

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. ПРАВОСЛАВНАЯ РОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920 ГГ.)	15
§ 1. Российская Церковь в начале XX века.	17
§ 2. Российская Церковь и революционные потрясения 1917 года	28
§ 3. Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 годов. Восстановление патриаршества	44
§ 4. Российская Церковь в период Гражданской войны. Начало гонений	59
Вопросы и задания	86
ГЛАВА II. ЦЕРКОВНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ И РАСКОЛЫ 1920-Х ГОДОВ.	87
§ 1. Кампания по изъятию церковных ценностей. Арест Святейшего Патриарха Тихона. Возникновение обновленческого раскола (1922–1923 гг.).	89
§ 2. Русская Церковь в последние годы жизни Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925 гг.)	109
§ 3. Русская Церковь при Патриаршем Местоблюстителе митрополите Петре и его заместителях в 1925 — начале 1927 года.	121
§ 4. Изменение курса церковной политики митрополита Сергия в 1927 году. Возникновение «правой» церковной оппозиции	140
Вопросы и задания	154
ГЛАВА III. АНТИЦЕРКОВНЫЕ ГОНЕНИЯ И ПОДВИГ НОВОМУЧЕНИКОВ (1929–1941 ГГ.)	157
§ 1. Ужесточение религиозной политики в конце 1920-х — начале 1930-х годов	159
§ 2. Иосифлянское разделение. Появление катакомбных общин	169
§ 3. Массовые репрессии верующих в 1930-е годы. Подвиг новомучеников	188
§ 4. Положение Русской Православной Церкви накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.)	198
Вопросы и задания	209
ГЛАВА IV. ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	211
§ 1. Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви	213

[4] [История Русской Православной Церкви. Том 3]

§ 2. Религиозное возрождение на оккупированной территории СССР230
§ 3. Ликвидация обновленческого и григорианского расколов272
§ 4. Религиозная политика Советского государства в годы войны283
Вопросы и задания315
ГЛАВА V. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1958 ГГ.)317
§ 1. Временное «перемирие» в государственно-церковных отношениях в 1945–1953 годах319
§ 2. Укрепление позиций Русской Православной Церкви в 1953–1957 годах339
§ 3. Внешнецерковная деятельность Московского Патриархата352
Вопросы и задания388
ГЛАВА VI. АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ГОНЕНИЯ 1958–1964 ГОДОВ389
§ 1. Основные причины, цели и этапы «хрущевских» гонений391
§ 2. Церковное сопротивление448
§ 3. Международная деятельность Русской Православной Церкви в 1958–1964 годах472
Вопросы и задания490
ГЛАВА VII. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1965–1991 ГГ.).491
§ 1. Церковная жизнь в период «застоя»493
§ 2. Святые и подвижники511
§ 3. Церковное сопротивление514
§ 4. Изменение государственно-церковных отношений в годы «перестройки»523
§ 5. Расколы, разделения, лжеучения конца 1980-х годов533
§ 6. Развитие внешних связей Московского Патриархата538
Вопросы и задания543
ГЛАВА VIII. РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ545
§ 1. Формирование русского церковного зарубежья в 1918–1920 годах. Начало создания Русской Зарубежной Церкви547
§ 2. Русская Зарубежная Церковь в 1921–1926 годах. От создания до разделения552
§ 3. Русская Зарубежная Церковь в 1927–2019 годах560
§ 4. Западноевропейский экзархат приходов русской традиции586
§ 5. Североамериканская митрополия594

§ 6. Зарубежные приходы Московского Патриархата599
Вопросы и задания607
ГЛАВА IX. РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СВЯТЕЙШЕМ ПАТРИАРХЕ АЛЕКСИИ II609
§ 1. Состояние Русской Православной Церкви и церковно-государственные отношения в годы служения Патриарха Алексия II611
§ 2. Проблема церковных расколов646
§ 3. Внешнецерковная деятельность Московской Патриархии672
Вопросы и задания679
ГЛАВА X. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ СВЯТЕЙШЕМ ПАТРИАРХЕ КИРИЛЛЕ681
§ 1. Внутрицерковное развитие и церковно-государственные отношения683
§ 2. Церковный раскол на Украине714
§ 3. Московский Патриархат на международной арене731
Вопросы и задания744
ЗАКЛЮЧЕНИЕ745
ИСТОЧНИКИ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА755

Предлагаемое читателю издание является третьим томом учебника бакалавра теологии «История Русской Православной Церкви» и посвящено ее новейшему периоду. Основной целью учебного пособия было изложение важнейших страниц истории Русской Православной Церкви и процесса развития государственно-церковных отношений в России и СССР в XX — начале XXI века, при этом главное внимание уделялось советскому периоду, который охватывает большую часть XX века (1917–1991 гг.). Так как Русская Православная Церковь была и остается самой крупной и влиятельной религиозной организацией в СССР и России, она находилась в центре внимания властных структур и отношения с ней определяли государственную религиозную политику страны в целом.

XX век оказался одним из самых сложных, драматичных и во многом ключевых периодов существования России. История Русской Православной Церкви в «советскую эпоху» была прежде всего историей беспрецедентных со времен преследований христиан в первые века нашей эры гонений за веру. Накал антицерковной борьбы властей то утихал, то вспыхивал с новой силой. Только сталинские репрессии 1930-х годов унесли жизни многих десятков тысяч православных священнослужителей и мирян. В то страшное время было закрыто подавляющее большинство храмов, упразднены все монастыри, разрушена система духовного образования, уничтожены миллионы книг религиозного содержания, разграблено, сожжено или распродано за границу множество ценных икон, уникальная церковная утварь, и таким образом нанесен огромный, фактически невосполнимый урон Русской Церкви. В этих условиях особенное значение имело мужественное стояние за веру Христову целого сонма новомучеников и исповедников. Этот трагический опыт имеет глубокое духовное значение, который требует изучения и осмысления. Ведь нынешнее возрождение России

происходит в значительной степени благодаря крови, пролитой новомучениками.

Новейшая история Русской Православной Церкви делится на периоды по различным принципам. В советский период авторами были приняты за основу в первую очередь этапы церковно-государственных отношений и государственной религиозной политики в СССР. Эти этапы, отмеченные антицерковными гонениями, их приостановкой или прекращением, влияли на церковную жизнь в значительно большей степени, чем смена Предстоятелей Церкви. Выделенные этапы во многом совпадают с переломными моментами в истории государства и общества. И такое совпадение неслучайно, поскольку церковная политика всякий раз по-своему отражает внутреннюю политику властных структур в целом; со своей стороны, и Церковь никогда не отделяла себя от интересов общества. Современный период церковной истории разделен на две главы: развитие Русской Православной Церкви при Святейшем Патриархе Алексии II и при Святейшем Патриархе Кирилле. Отдельно выделена глава, охватывающая всю историю русского церковного зарубежья, так как она имеет свои существенные особенности.

При исследовании церковно-государственных отношений рассмотрены определяющие факторы, этапы религиозной политики советского и российского правительств, ее последствия для страны и Русской Церкви, обратное влияние. В учебнике отражено и современное состояние Московского Патриархата.

Поскольку в начале XX века официально существовало наименование Православная Российская Церковь, именно оно используется авторами в соответствующих параграфах. Большую же часть советского периода (с 1943 года) применялось современное название — Русская Православная Церковь, поэтому оно фигурирует в других разделах книги.

Учебное пособие написано авторами в значительной степени на основании их собственных книг, наряду с этим использовался широкий круг научной литературы. Новейшая история Русской Православной Церкви привлекала и привлекает внимание исследователей, при этом если до начала 1990-х годов это были почти исключительно зарубежные и русские эмигрантские историки, то за последние десятилетия первенство, безусловно, принадлежит быстро растущей отечественной историографии, как светской, так и церковной. В 1990-е — 2010-е гг. в качестве учебных пособий духовных школ Московского Патриархата исполь-

зовались учебники и монографии по истории Русской Православной Церкви в XX веке протоиереев Владислава Цыпина, Георгия Митрофанова, А. А. Кострюкова, С. Л. Фирсова и М. В. Шкаровского, упомянутые в списке научной литературы.

Чуть более 25 лет назад началось обращение к колоссальным пластам архивных документов, которые пока лишь частично введены в научный оборот. Роль существующих публикаций источников еще относительно невелика. Тем не менее при подготовке пособия были использованы, во-первых, опубликованные до 1991 года источники, характеризующие политику советского государства и коммунистической партии по отношению к Русской Православной Церкви. Вторую группу составляют опубликованные документы Московского Патриархата (первые сборники их вышли в годы Великой Отечественной войны или сразу после ее окончания). С 1991 года в журналах, альманахах начали публиковаться подборки архивных документов по истории религиозной политики советского государства, материалы, посвященные различным внутрицерковным сюжетам. В основном они касались событий 1920–1930-х годов. С середины 1990-х годов стали выходить и сборники документов. Из них наибольшую ценность представляет целый ряд изданий Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета («Следственное дело Патриарха Тихона» и др.), а также сборник «Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.».

Интерес представляют и опубликованные нарративные источники различного характера (мемуары, дневники, автобиографии, письма и т. д.), позволяющие сопоставить с ними, откорректировать, дополнить соответствующие архивные материалы. Хотя при использовании нарративных источников необходимо учитывать их субъективный характер.

В пособии широко применялась периодическая печать 1910–1990-х годов: общероссийские и общесоюзные газеты и журналы, издания Московского Патриархата и т. п. В них содержатся интересные сведения о борьбе с влиянием религиозных организаций, проведении атеистической пропаганды в советский период или развитии церковной жизни в современной России. Однако интерпретация фактов и далеко не всегда надежный цифровой материал требуют тщательной дополнительной проверки.

Важное значение имеют и русские эмигрантские журналы, вышедшие в Югославии, Германии, Франции, США: «Православная Русь»,

«Православный путь», «Православная жизнь», «Вестник русского христианского движения», «Русское Возрождение» и др. Публикации в них отражают взгляды представителей различных направлений русского церковного зарубежья и зачастую страдают тенденциозностью и полемичностью. В то же время некоторые сюжеты из истории церковного сопротивления, религиозной жизни в годы Второй мировой войны на оккупированной территории СССР и другие освещались только в них.

Основной же источниковой базой были материалы государственных архивов России, Украины, Германии, Югославии, Болгарии и США. В общей сложности работа по выявлению и изучению неопубликованных источников проводилась в нескольких десятках архивохранилищ. Их можно условно разделить на четыре основные группы. Во-первых, это центральные и региональные российские архивы: Российский государственный исторический архив, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив новейшей истории, Российский государственный военный архив, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга и др. Ко второй группе относятся архивы Управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации по различным регионам России, позволившие изучить подвиг новомучеников.

В третью группу входят зарубежные, прежде всего германские государственные архивы: Федеральный архив в Берлине (Bundesarchiv Berlin), Федеральный военный архив во Фрейбурге (Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg), Архив Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte München), а также Бахметьевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры в Колумбийском университете г. Нью-Йорка (The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, New York), Архив Гуверовского института войны, революции и мира (Hoover Institution on war, revolution and peace Archives, Stanford University), Центральный государственный архив Болгарии в Софии (Централен държавен архив) и др.

Наконец, к четвертой группе можно отнести архивохранилища, содержащие фонды религиозных организаций и учреждений: Архив Отдела внешних церковных связей, Архив Церковно-научного центра «Православная энциклопедия», архивы различных епархий и духовных учебных заведений Московского Патриархата. Много материалов по

истории русской церковной эмиграции содержится в Синодальном архиве Русской Православной Церкви Заграницей в Нью-Йорке, Архиве Свято-Троицкой духовной семинарии РПЦЗ в Джорданвилле (США), Архиве Американской Православной Церкви в Сайосоте, штат Нью-Йорк (The Archives of the Orthodox Church in Amerika Syosset), Архиве Германской епархии РПЦЗ в Мюнхене и Архиве Среднеевропейского экзархата Московского Патриархата в Берлине.

Материалы учебника основаны на следующих группах документов:

- законодательные, нормативные акты, определявшие задачи, формы, методы проведения государственной религиозной политики в масштабах страны и роль при этом различных партийно-государственных структур;

- документы, освещавшие роль репрессивных органов в проведении курса властей по отношению к Русской Православной Церкви, формы, масштабы и последствия репрессий; материалы, характеризующие конкретную деятельность на различных уровнях органов госбезопасности, КПСС, государства по реализации общей политики и всех составляющих ее элементов;

- церковные документы, показывавшие реакцию Московской Патриархии на действия государственных органов, ее внутреннюю жизнь; материалы основных движений церковного сопротивления;

- нарративные источники, содержащие разносторонний материал о чувствах, мыслях, настроениях и поведении священнослужителей и верующих различных религиозных течений.

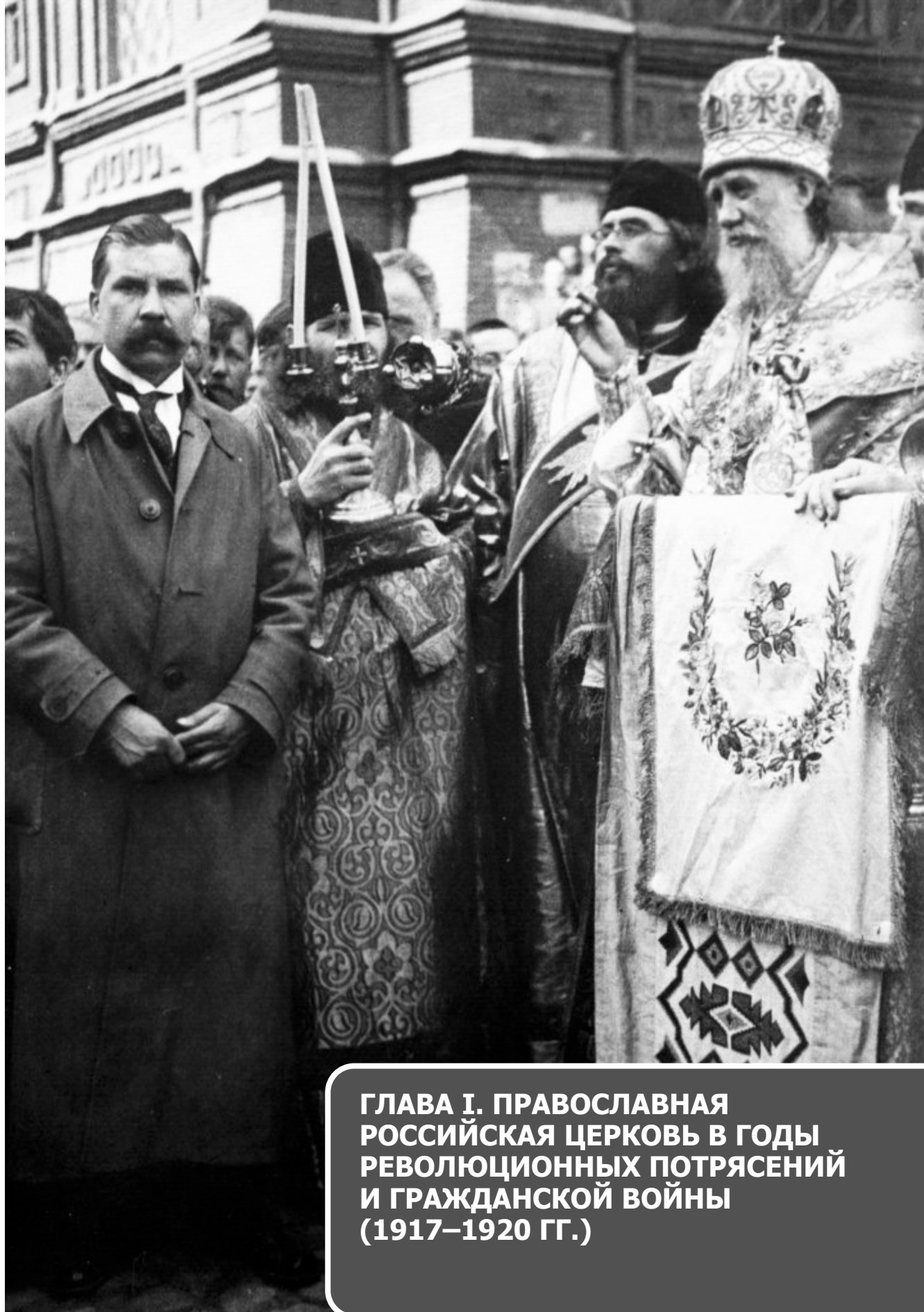
Учебное пособие предназначено для студентов православных духовных учебных заведений, а также теологических подразделений светских вузов. Оно ориентировано на формирование у учащихся представления об основных этапах и важнейших событиях в новейшей истории Русской Православной Церкви. Пособие также поможет им обучаться в ходе подготовки к семинарам, научно-практическим занятиям, зачетам и экзаменам, в написании докладов, рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ.

Для более эффективного усвоения материала в конце каждой главы помещены вопросы и задания для самоконтроля, а в заключительной части учебника — список источников и рекомендованной для дальнейшего изучения литературы.

Авторами учебника стали: доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Михаил Витальевич Шкаровский; доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Сергей Львович Фирсов; доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета священник Александр Владимирович Мазырин; доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, преподаватель Пермской духовной семинарии протоиерей Алексей Николаевич Марченко; доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, профессор Пензенской духовной семинарии Ирина Ивановна Маслова; доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Андрей Александрович Кострюков. Ответственным составителем является М. В. Шкаровский, научным редактором — протоиерей Алексей Марченко.

Патриарх Московский и всея Руси Тихон
служит молебен у московского храма
Большого Вознесения у Никитских
ворот. Москва, 1918 год.

**ГЛАВА I. ПРАВОСЛАВНАЯ
РОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1917–1920 ГГ.)**

§ 1. Российская Церковь в начале XX века

Управление Российской Церковью до 1917 года

К 1917 году, согласно Основным Законам Российской империи, первенствующей и господствующей верой была «христианская, православная, католического восточного исповедания» (ст. 62). Император Всероссийский не мог исповедовать никакой другой религии, кроме православной. Он же по закону считался Верховным защитником и хранителем догматов господствовавшей веры, а также блюстителем правопорядка и благочиния (ст. 63–64). В церковном управлении император действовал посредством Святейшего Правительствующего Синода, учрежденного в 1721 году, в эпоху Петра Великого. Исключительно велико было влияние на церковные дела в начале XX столетия обер-прокурора Святейшего Синода, что не в последнюю очередь явилось итогом многолетнего руководства ведомством православного исповедания учителя двух последних самодержцев — Александра III и Николая II — К. П. Победоносцева. Именно обер-прокурор представлял доклады Святейшего Синода императору, информировал его членов о повелениях Высочайшей власти и имел полномочия объявлять словесно Высочайшие указы. В 1903 году должность обер-прокурора Святейшего Синода была юридически приравнена к должности министра, до этого К. П. Победоносцев только лично входил в Кабинет министров.

На местах руководство церковной жизнью осуществляло епархиальное управление, состоявшее из местного архиерея — руководителя епархии (церковного округа, в большинстве случаев территориально совпадавшего

с губернией¹⁾ — и консистории (учреждения, занимавшегося судом и управлением епархии). При этом существовала должность секретаря консистории, напрямую подотчетного обер-прокурору Святейшего Синода и имевшего возможность опосредованного влияния на ход дел в епархии. Согласно существовавшим правилам, дела в консисториях должны были решаться только единогласно, в случае же разногласия инициатива объяснения сути изучавшейся проблемы целиком переходила в руки секретаря. Для удобства управления епархией в Православной Церкви существовала должность благочинных — помощников епископов в надзоре за духовенством вверенных им епархий.

Состояние приходской жизни и материальное положение духовенства

Фундаментом всего институционального здания Церкви являлся приход — «общество верующих православных христиан, имеющих свой храм и своих священнослужителей». Однако, являясь низшей церковно-административной единицей, приход в большинстве случаев не оказывал решающего влияния на жизнь верующих, формально к нему приписанных. Приходский священник преимущественно ограничивал свою деятельность совершением богослужений и исполнением треб для верующих, за что прихожане содержали его и остальной причт своими подаяниями. Со времени царствования императора Николая I правительство из общегосударственных средств стало назначать духовенству жалованье. Однако размер жалованья был минимален и не мог обеспечить духовенство, являясь лишь вспомогательным средством его существования.

Правительство из года в год увеличивало число церквей (приходов), причты которых получали жалованье. Так, если на 1907 год таких причтов было 27925, то на 1917 год — уже 35516. При этом общее

¹ В начале XX века православные епархии в пространственном отношении не совпадали с губерниями только в нескольких случаях (в Финляндии, в Царстве Польском, в Пермской губернии и в ряде других). Епархий же было 63 (исключая Грузинский Экзархат и Северо-Американскую архиерейскую кафедру). Общая численность русского епископата (считая епархиальных архиереев и викариев, а также епископов — настоятелей монастырей и находившихся на покое) составляла на 1916 год более 150 человек.

число самостоятельных приходов в епархиях империи на 1917 год достигло цифры 42713, а число священно- и церковнослужителей, получавших «средне-нормальные» оклады содержания, составило 54951 человек (соответственно 25822 протоиерея и священника, 4987 диаконов, 24142 псаломщика). Стоит заметить, что накануне 1917 года эти «средне-нормальные оклады содержания» составляли для протоиереев и священников 294 рубля в год, для диаконов — 147 рублей и для псаломщиков — 98 рублей. И хотя 15075 священников, диаконов и псаломщиков получали из казны финансирование, превышавшее установленную норму, значительное число клириков (13225 человек) имели оклад менее «средне-нормального», а 25992 священно- и церковнослужителя вообще ничего не получали. При этом для доведения содержания священно- и церковнослужителей, получавших менее установленной нормы и не получавших ничего до «средне-нормального оклада» накануне февраля 1917 года требовалось 6021812 рублей 13 копеек.

Такой суммы у Святейшего Синода не было. Но даже в случае нахождения необходимых средств говорить о решении проблемы материального обеспечения духовенства не приходилось: оно оставалось преимущественно неудовлетворительным. Большинство православных причтов в России — как получавших мизерное содержание, так и лишенных его, — помимо платы за требы, существовали на так называемые местные средства, получаемые от продажи свечей, икон, от кружечных и других сборов и т. п. Земля, как правило, не приносила особого дохода духовенству, представители которого, не являясь земледельцами (как крестьяне), в то же самое время не были и помещиками-землевладельцами. Как правило, они сдавали за определенное вознаграждение церковные земли в аренду крестьянам.

Показательно, что еще в объяснительной записке к смете 1916 года чиновники духовного ведомства заявляли, что «если бы и в будущем, согласно принятой законодательными учреждениями в 1910–1913 годах норме, отпускалось на увеличение содержания духовенства по 450000 рублей в год, то, учитывая ежегодное возрастание числа приходов путем открытия новых, все причты были бы обеспечены средне-нормальными окладами содержания не ранее, чем через 20 лет, то есть к 1935 году». Заявляя об этом неутешительном прогнозе, Святейший Синод также полагал, что необходимо увеличить размер денежного содержания клириков, доведя его до 600 рублей в год священникам,

до 300 рублей диаконам и до 200 рублей псаломщикам. До 1917 года размер денежного содержания так и не был увеличен.

Говоря о финансовом положении православных клириков накануне 1917 года, следует иметь в виду постоянно увеличивавшееся число православных подданных российской короны (прежде всего в связи с общим ростом населения страны). Так, если в самом начале XX века жителей православного исповедания в России числилось более 83 миллионов человек (немногим более 42 миллионов мужчин и почти 42 миллиона женщин), то в роковом для страны 1914 году уже их было уже 98 миллионов (без данных Варшавской епархии и материалов протопресвитера военного и морского духовенства). Конечно, росло и число православных клириков: в 1900 году представителей белого духовенства и церковнослужителей (протоиереев, священников, диаконов и псаломщиков) было почти 105000 человек (2230 протоиереев, 34784 священника, 14945 диаконов и 43857 псаломщиков), а в 1914 году — уже 112629. Но, исходя из статистических данных, необходимо признать: один представитель белого духовенства приходился на 820 человек. Очевидно, что число действующих православных клириков было недостаточно для духовного окормления миллионов православных (даже принимая во внимание, что далеко не все из них регулярно исполняли свой религиозный долг, причащаясь ежегодно). Следовательно, вопрос о подготовке церковных кадров был в начале XX века одним из наиболее актуальных.

Подготовка кадров духовенства, храмы и монастыри

Нельзя сказать, что обер-прокуратура и Святейший Синод недооценивали это требование. Почти в каждой епархии существовали духовные семинарии (на 1900 год — 58, семинарии отсутствовали лишь во Владивостокской, Гродненской, Екатеринбургской, Забайкальской, Омской, Туркестанской и Финляндской епархиях), практически во всех епархиях функционировали духовные училища (на 1900 год — 187, их не было только во Владивостокской, Туркестанской и Финляндской). В четырех епархиях имелись духовные академии (Санкт-Петербургская, Московская, Киевская и Казанская). Но несмотря на то что Российская империя была конфессионально ориентированным государством, лишь в академиях большинство студентов было «казеннокоштными» (то есть жили за счет казны), в семинариях же и в училищах большинство

составляли «своекоштные» учащиеся. У государства, всячески подчеркивавшего приверженность идее церковно-государственного союза, не хватало средств для того, чтобы обеспечить жизнь будущих пастырей Церкви.

Сложность ситуации заключалась также в том, что внешнее положение Православной Церкви резко диссонировало с ее внутренним состоянием. Согласно статистическим данным, православных храмов год от года становилось все больше. Так, если в 1903 году церковью и часовен было соответственно 50355 и 19890, то к началу Первой мировой войны — уже 54229 и 23593. За год строилось в среднем более 500 храмов. Росло и число монастырей (особенно женских). Так, если в 1906 году было 803 монастыря (267 штатных и 151 заштатных мужских и 208 штатных и 177 заштатных женских), то в 1910 году — уже 889 (318 штатных и 142 заштатных мужских и 268 штатных и 161 заштатных женских).

Однако это вовсе не свидетельствовало о «процветании» храмов и монашеских обителей. В начале XX века 368 обителей владели участками от 100 до 200 десятин (133 монастыря) и от 200 до 500 десятин (235 монастырей). Лишь шесть монастырей в России владели более 10000 десятин каждый. Важнейшие источники общемонастырских доходов, помимо доходов от угодий и оброчных статей (земли, лесов, лугов, озер, мельниц и т. п.), составляли доход от продажи свеч и икон, кружечный доход, доход от кладбищ и погребения, доход от гостиниц, от сдачи в аренду помещений, площадей под ярмарки и лавок, типографский доход, доход от продажи деревянного масла. Но, несмотря на многочисленность этих статей, далеко не все монастыри могли похвастаться блестящим финансовым положением. Кстати сказать, и государственная помощь была незначительной: казенные субсидии на монастыри, к тому же распределявшиеся произвольно, были минимальны, составляя, например, на 1910 год 1,1 % сметы Святейшего Синода — около 400000 рублей. Женские монастыри были, как правило, беднее мужских.

Настоятели в силу различных причин не были заинтересованы в разглашении сведений о состоянии дел в своих обителях, предпочитая материальные вопросы не выносить на всеобщее обозрение. В результате не только среди нецерковных людей, но и в правительственной среде сложились явно преувеличенные представления о колоссальных богатствах, «под спудом» хранящихся в монастырях. Лишь после революции 1917 года, когда большевики решили воспользоваться «сокровищами

монахов», выяснилось, что слухи о них сильно преувеличены. Анализ документов Политбюро ЦК РКП(б) позволил установить общую денежную оценку всего изъятого у Церкви в 1922 году: сумма составила 4650810 рублей (в золоте). Если исходить из заявленной В. И. Лениным в письме от 19 марта 1918 года надежды получить церковные сокровища на многие сотни миллионов или даже миллиардов золотых рублей, то ошибку следует признать исключительной: дотла разорив Церковь, советское государство экспроприировало лишь тысячную долю ожидаемого.

Разумеется, у Церкви отобрали земли: 740 тысяч десятин монастырской и 1,9 миллиона десятин церковной (всего — 2,6 миллиона, которой она располагала накануне февраля 1917 года), но в предреволюционные десятилетия абсолютное большинство обитателей не могли считаться настоящими землевладельцами, получавшими прибыль от эксплуатации земельных богатств. В самом деле: 2,6 миллиона десятин выглядят не слишком весомо на фоне 79 миллионов десятин, принадлежавших в Европейской России помещикам, и 124 миллионов десятин, принадлежавших крестьянам. Заявления о всестороннем процветании вводили в заблуждение не только недругов Церкви, но и ее государственных покровителей, замороженных магией цифр. Однако непрекращавшееся строительство храмов, рост новых монастырей и увеличение числа их насельников требовали все больших средств.

Решение старых проблем усложнялось непрерывным ростом новых. Смета Святейшего Синода постоянно увеличивалась за счет государства, но не могла покрыть все церковные нужды. При этом нельзя сказать, что Церковь полностью решала с помощью государства свои финансовые проблемы. Министерство народного просвещения, с которым, очевидно, сравнивать духовное ведомство корректнее всего, получало от государства в три раза больше средств. Ситуация для Церкви еще более обострилась после того, как вопрос о бюджетных ассигнованиях ведомства православного исповедания стала рассматривать Государственная Дума.

*Государственная Дума и бюджетные ассигнования
Православной Церкви*

В работе с депутатами обер-прокуратура Святейшего Синода старалась отвечать на конкретные, возникавшие при обсуждении финансовой сметы пожелания законодателей, избегая обсуждения сугубо церковных проблем. Это было необходимо прежде всего потому, что из года в год общая сумма расходов государства на духовное ведомство, утверждавшаяся Государственной Думой, увеличивалась: если в смете на 1907 год расходов значилось на 29300213 рублей, то уже через пять лет (на 1912 год) они составляли 40129979 рублей, а на 1916 год — последний предреволюционный год — смета предусмотрела сумму в 53965767 рублей! Таким образом, расходы выросли более чем на 84 %.

Впрочем, расходы постоянно росли и в других ведомствах, при этом меньше Святейшего Синода получали только Министерство Императорского Двора, Министерство иностранных дел, Главное управление государственного коннозаводства и Государственный контроль. А Министерство народного просвещения получало субсидий от государства больше духовного ведомства почти в три раза. На 1917 год расходы Святейшего Синода должны были составить уже 66791837 рублей, таким образом существенно увеличив расходы по сравнению с предшествовавшим годом. Однако постоянную нехватку средств ликвидировать не удавалось. Понимая данное обстоятельство, Государственная Дума порой использовала обсуждение сметы ведомства православного исповедания для разговора о собственно церковных проблемах (на что права не имела).

Так, в феврале 1916 года при обсуждении финансовой сметы Государственная Дума предъявила Святейшему Синоду не экономические, а сугубо политические пожелания, свидетельствовавшие о принципиальном недовольстве отечественных парламентариев состоянием дел в Церкви и использованием ею материальных средств. Депутаты признавали необходимым принять меры к переустройству управления Церковью на началах соборности с широким применением местного областного самоуправления и созывом с этой целью Поместного Собора; осуществить преобразование высшего и местного церковного управления, суда (в частности и бракоразводного процесса), преобразование духовных учебных заведений и развитие приходской жизни в связи

с обеспечением духовенства; прекратить («без крайней необходимости») практику переводов епископов с кафедры на кафедру; призвать государственную власть отказаться от взгляда на православное духовенство как на орудие внутренней политики и отменить соответствовавшие этому циркуляры и распоряжения — обнародованные и тайные.

Духовное ведомство вынуждено было оправдываться, понимая неотразимость заявленных «пожеланий» и осознавая, что Государственная Дума не столько искала оптимальное решение финансовых проблем Православной Церкви по конкретной смете, сколько заявляла о своем политическом недовольстве властью. И хотя в итоге смету утвердили, сам факт выдвижения подобных требований свидетельствовал о нарастающем напряжении между внеконфессиональной Думой и ведомством православного исповедания. Создавалось двусмысленное положение, когда «первенствующая и господствующая» Церковь, призванная не только духовно окормлять многомиллионную паству, но и обучать сотни тысяч православных в своих школах, должна была служить главным идейным союзником государства, представители которого предъявляли ей политические претензии.

На пути к Собору. Необходимость церковных реформ

Но, несмотря ни на что, следует особо подчеркнуть, что именно начало XX века стало для Церкви временем активного обсуждения вопросов о церковных реформах, о необходимых переменах в церковном управлении, о контактах с «богоискательски» настроенной интеллигенцией. В 1901–1903 годах в Санкт-Петербурге проходили религиозно-философские собрания, закрытые по требованию обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева (а не по желанию церковных иерархов), а в 1905 году Святейший Синод получил возможность официально говорить «о необходимости подготовительных работ по вопросам, предложенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви». Несмотря на нежелание начать подготовку к церковным реформам, К. П. Победоносцев вынужден был поставить вопрос об их проведении на рассмотрение членов Святейшего Синода. 27 июля 1905 года «церковное правительство» признало необходимость ознакомления с указанными вопросами епархиальных преосвященных. Практически все архиереи предлагали провести кардинальную перестройку сино-

дальной системы, указывая, что Поместный Собор давно пора созвать, что необходимо восстановление патриаршества. Разумеется, на многие вопросы архиереи смотрели с разных позиций, но это скорее свидетельствовало о внутренних потенциях русского епископата, чем говорило о его «отсталости» и пресловутой «реакционности», на что часто указывали критики Церкви — и до 1917 года, и после революции.

27 декабря 1905 года император Николай II издал специальное обращение, адресованное первоприсутствующему члену Святейшего Синода митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому). В обращении император указывал, что «тяжелые обстоятельства на Дальнем Востоке» (то есть война с Японией) не дали ему возможности ранее привести в исполнение благое намерение по подготовке Собора, и признавал наступавшее время вполне благовременным для проведения некоторых преобразований «в строе нашей отечественной Церкви, на твердых началах вселенских канонов, для вящего утверждения православия». Государь предлагал столичному архипастырю совместно с митрополитами Московским и Киевским «определить время созвания этого всеми верными сынами Церкви ожидаемого Собора».

Предсоборное Присутствие и Предсоборное Совецание

Первым этапом подготовки Собора стала организация работ Предсоборного Присутствия, заседания которого проходили в Петербурге с 8 марта по 15 декабря 1906 года. Главное значение его деятельности заключалось в разработке основных положений церковной реформы. В ходе обсуждения члены Присутствия, среди которых были архиереи, клирики и миряне, пришли к заключению, что Первосвятитель Церкви должен носить титул Патриарха и быть председателем Синода и Собора. При этом старые церковно-государственные отношения предполагалось только скорректировать, но принципиально не менять: они должны были строиться на факте принадлежности к православию русского царя. В своих внутренних делах Церковь должна была оставаться независимой и свободно управляться собственными учреждениями, хотя при этом предусматривалась верховная императорская защита. Соответственно, обер-прокурор Синода ограничивал сферу деятельности простым внешним наблюдением за соответствием постановлений Синода государственным законам. Самодержец же, по мысли членов

Присутствия, после проведения названных изменений имел право действовать в отношении Церкви в согласии с Собором, постоянным Синодом и Патриархом.

Таким образом, петровский «цезарепапизм» фактически уничтожился, а ведомство православного исповедания — в том виде, как оно сложилось за XVIII–XIX века, — прекращало свое существование. Это значило, что церковная часть государственной машины империи разрушалась. Следовательно, должны были перестраиваться и другие части названной машины: ведь синодальный механизм за многие десятилетия оказался впаян в политическое тело империи, где все элементы (в том числе и религиозные) находились в неразрывном единстве. Психологически неподготовленная к самостоятельному бытию Православная Церковь не могла отказаться от государственной поддержки, хотя эта поддержка и должна была уменьшаться прямо пропорционально поступательному продвижению политических реформ.

Члены Предсоборного Присутствия серьезное внимание уделили не только проблеме восстановления канонических форм церковной жизни, но, что не менее важно, и сохранению религиозно-нравственного содержания. Их волновал вопрос, как церковный народ — подлинный хранитель благочестия — воспримет предлагаемые изменения: ведь угроза неприятия решений Собора «обществом» менее страшна православию, чем нанесение ущерба истине. Занятия Присутствия завершились за две недели до наступления 1907 года. В феврале — марте император ознакомился с его материалами и 25 апреля уведомил митрополита Антония (Вадковского), председательствовавшего в Присутствии, что завершил чтение.

Практических выводов не последовало, Поместный Собор не стал тогда естественным продолжением работ 1906 года: в условиях намечавшегося «замирения» российского общества Собор мог восприниматься не только в качестве высшего церковного органа, но и в качестве «политического раздражителя» совершенно различных общественных групп — от либеральных до крайне правых. Можно предположить, что именно с целью сохранения *statu quo* светские власти и решили отложить тогда вопрос о созыве Собора, оставив подготовительные материалы до лучших времен.

Лишь ближе к 1913 году разговоры о Соборе вновь зазвучали в полную силу. Это было связано с подготовкой к празднованию юби-

лея — 300-летия Дома Романовых, который, как полагали многие, мог бы ознаменоваться учреждением патриаршества и восстановлением канонических норм церковного управления. К тому же вопрос о церковных реформах стали обсуждать тогда и в Государственной Думе, выражая недовольство его длительным забвением. В марте 1912 года было образовано Предсоборное Совещание под руководством архиепископа Сергия (Страгородского), будущего Святейшего Патриарха. Однако и это Совещание не смогло активизировать вопрос о созыве Поместного Собора. Оно продолжало собираться вплоть до февраля 1917 года, к сентябрю 1916 года успев рассмотреть два принципиальных законопроекта — о реформе высшего церковного управления и управления епархиального. Третий вопрос — о реформе церковного суда — ввиду особой сложности передали на предварительное обсуждение специальной комиссии, получившей право составить особый законопроект (в случае, если бы она нашла это необходимым).

Однако до революции 1917 года материалы Предсоборного Совещания (равно как и Предсоборного Присутствия) оказались практически не востребованными: светские власти не спешили созвать Собор. Причина этого достаточно проста: любая политическая система живет по своим правилам, изменить которым — значит разрушить саму систему. Реформа Церкви объективно способствовала бы реформированию всего строя церковно-государственных отношений (вне зависимости от того, что хотели изменить, а что оставить сами реформаторы). Практически это стало понятно только после революционных бурь 1905 года. Переживавшая системный кризис русская политическая система оказалась не в состоянии проводить структурные изменения: проще и логичнее было оставить «все как есть». И дело заключалось не только в церковных реформах: с весны 1909 года правительство и председатель Совета Министров России П. А. Столыпин свертывают свою реформаторскую деятельность во всем, кроме земельной политики. В подобной ситуации логика тех, кто призывал не менять ничего, что еще как-то держится, оказывалась убедительнее логики тех, кто хотел начать перемены в кризисной ситуации. Личные стремления государя созвать Собор в данном случае не могли повлиять на положительное решение этого вопроса, тем более что сложная внутренняя и международная обстановка давала весомый повод откладывать проведение церковных реформ: в августе 1914 года Россия вступила в Мировую войну.